

Бай Мянй очнулся от того, что на него выплеснули ушат холодной воды.

Он резко распахнул глаза и обнаружил, что привязан к столбу, во рту у него зажат кляп, а пошевелиться невозможно.

Вокруг стояла полуразрушенная хижина, окна были забиты досками, и лишь тонкие лучи света пробивались сквозь щели.

Перед ним стояло несколько человек.

Те самые молодые заклинатели, что в тот день на арене признавались в любви его госпоже.

— Проснулся?

Главарь подошёл ближе, присел на корточки, ухватил его за подбородок и заставил поднять голову.

Бай Мянй уставился на него, в его глазах пытали страх и гнев.

— А взгляд-то какой свирепый, — усмехнулся тот. — Ничего, скоро это пройдёт.

Он разжал пальцы, поднялся на ноги и вытащил из-за пазухи маленький фарфоровый пузырёк.

— Знаешь, что это?

Бай Мянй в ужасе уставился на пузырёк, его затрясло.

Тот многозначительно ухмыльнулся:

— Специально для таких котлов, как вы. Стоит это проглотить, и даже самый высокомерный недотрога превратится в распутника.

Бай Мянй отчаянно забился, но верёвки были затянуты слишком туго, вырваться не получалось.

Мужчина подошёл, снова сжал его подбородок и влил содержимое пузырька ему в рот.

Бай Мянй яростно затряс головой, но жидкость уже скользнула в горло.

— Кхе, кхе-кхе...

Он согнулся пополам, пытаясь выплюнуть дрянь, но лекарство растаяло на языке мгновенно, избавиться от него было невозможно.

— Ладно, — мужчина поднялся и хлопнул в ладоши. — Как начнёт действовать, мы с вами повеселимся как следует.

Остальные отошли в сторону и принялись с ухмылками глазеть на него.

Бай Мянью сжался в комок на полу, его колотило.

Нет...

Не надо...

Действие лекарства проявилось быстро.

Сначала пришёл жар.

Поднявшийся в дантяне жар, словно костёр, стал медленно растекаться по всему телу.

А следом накатил зуд.

Зуд шёл прямо из костей, его нельзя было ни почесать, ни унять, от него хотелось сойти с ума.

Бай Мянью скорчился на земле, до крови прикусив губу и отчаянно пытаясь сдержаться.

Но зелье оказалось слишком сильным.

Его дыхание становилось всё более частым, лицо пылало, а взгляд затуманивался.

— Ну что, пора?

Те мужчины приблизились и посмотрели на него сверху вниз.

— Только поглядите, аж весь покраснел.

— До чего же похотёвый вид.

— Не спешите, скоро мы сделаем его ещё бесстыднее.

Одна из рук протянулась вперед и ухватила его за ворот.

Трррах —

Ворот треснул, обнажая большую часть кожи.

Бай Мянъ вздрогнул всем телом, из глаз брызнули слёзы.

— Нет... Не надо...

Его голос звучал мягко и дрожаще, срываясь на плач, но в то же время напоминал кошачье мяуканье, от которого скребло на сердце.

— Только послушайте этот голосок, до чего же манящий.

Ещё одна рука потянулась к его штанам.

Трррах —

Ткань затрещала, являя взору две стройные белые ноги.

Бай Мянъ отчаянно сопротивлялся, но зелье уже лишило его всяких сил, оставляя лишь возможность покориться чужой воле.

Нет...

Не надо...

Госпожа...

Госпожа...

Он зажмурился, и слёзы покатились по щекам.

В этот момент —

Бац!

Дверь сорвало с петель ударом ноги.

На пороге возникла белая фигура.

Лунно-белые одежды, чёрные волосы собраны в высокий хвост, а в руке сиял ледящим блеском длинный меч.

— Гос... госпожа...

Увидев её, Бай Мянь заплакал ещё горько.

Бо Цинъянь стояла в дверях, окинув взглядом комнату.

Скользнула по тем мужчинам, по обрывкам ткани на полу, по юноше с раскинутыми ногами и обнажённым телом.

Её взгляд был холоден, как тысячелетний лёд.

— Кто позволил вам распускать руки?

Лица тех мужчин мгновенно перекосило от ужаса, они бросились к выходу, пытаясь сбежать...

Но разве могли они обогнать меч Бо Цинъянь.

Она шагнула внутрь, и с каждым её шагом вспыхивало лезвие меча.

Не прошло и нескольких мгновений, как от тех людей не осталось и следа.

В живых остался лишь главарь — он лежал на полу, содрогаясь от страха.

— Бессмертная, помилуй! Я, я всего лишь выполнял приказ, это...

Но Бо Цинъянь не стала дослушивать. Одним ударом она снесла ему голову, убрала меч и повернулась к привязанному юноше.

Бай Мянь лежал на полу, дрожа всем телом, лицо его было залито слезами. Заметив, что она приближается, он попытался позвать её, но из горла вырвался лишь жалкий всхлип.

— Гос... госпожа...

Этот голос звучал мягко, источая невыносимую истому.

Бо Цинъянь присела на корточки и развязала путы.

Стоило верёвкам ослабнуть, как Бай Мянь обессиленно рухнул в её объятия, судорожно цепляясь за неё.

— Госпожа... Госпожа... Госпожа...

Он повторял это снова и снова, голос его отчаянно дрожал, а тело тряслось ещё сильнее.

Прижав его к себе, Бо Цинъянь ощущала жар его тела, чувствовала, как он извивается в её руках и как его руки беспорядочно шарят у неё по спине.

— Госпожа... Мне так плохо... Госпожа...

В его голосе слышались слёзы, мольба и жажда.

Бо Цинъянь опустила взгляд на него.

Лицо юноши было мокрым от слёз, взгляд затуманен, губы искусаны до красноты и припухлости, а кожа покрылась неестественным румянцем. Прижавшись к ней, он плакал и одновременно терся о неё, словно жаждущая ласки кошка.

— Госпожа... умоляю... госпожа...

В глазах Бо Цинъянь плескалась непроницаемая тьма.

Она протянула руку, ухватила его за подбородок и заставила поднять голову.

— Понимаешь ли ты, что говоришь?

Бай Мянь отчаянно закивал, глядя на неё затуманенными от слёз глазами.

— Понимаю... я всё понимаю... госпожа... мне нужна госпожа...

Бо Цинъянь смотрела на него.

Смотрела на его жаждущий взгляд, на покрасневшееся лицо, на его приоткрытые губы.

— Ничтожный.

Всего одно слово — холодное, словно окатил ледяной водой.

Бай Мянью замер.

Румянец на мгновение схлынул с его лица, чтобы тут же вернуться с новой силой — ярко-алым, болезненным.

Слёзы хлынули из глаз с удвоенной силой.

Но руки, обвившие её шею, не разжались.

— Я... я ничтожен... — плакал он, и его голос звучал жалко и трепетно. — Я принадлежу госпоже... я буду распутничать только для госпожи... только для одной госпожи...

Бо Циньянь смотрела на него.

Долго.

Затем поднялась на ноги и подхватила его на руки.

Бай Мянью, пылая жаром, прижался к её груди, не переставая тереться о неё. Спрятав лицо у неё на плече, он тихо всхлипывал, звал её и умолял:

— Госпожа... умоляю... мне так плохо... госпожа...

Прижимая его к себе, Бо Циньянь вышла из той развалюхи.

Она отыскала ближайший постоялый двор и сняла комнату.

Уложив Бай Мянью на кровать, она повернулась, собираясь повесить своё верхнее платье.

В этот момент кто-то ухватил её за рукав.

— Госпожа... не уходите...

Бай Мянью лежал на постели в растерзанных одеждах, с пылающим лицом и влажными от слёз глазами, глядя на неё с таким жалостливым видом.

— Госпожа... не уходите... мне так плохо...

Бо Цинъянь посмотрела на него.

Юноша лежал на кровати, горячий, с затуманенным взором, припухшими искусанными губами и тяжело вздымал грудь.

Он вцепился в её рукав мёртвой хваткой, словно боясь, что она сбежит.

— Госпожа... умоляю...

Он и сам не понимал, о чём просит.

Он знал лишь одно: ему невыносимо плохо.

Внутри всё пылало огнём, и каждый дюйм его кожи жаждал прикосновений.

А госпожа стояла здесь, так близко.

Ему хотелось, чтобы госпожа коснулась его.

До безумия хотелось.

Бо Цинъянь смотрела на него темным, нечитаемым взглядом.

— Ты осознаешь, что говоришь?

Бай Мянь то мотал головой, то кивал, а потом снова мотал — он и сам уже ничего не соображал.

Он лишь смотрел на неё снизу вверх, покрасневшими, полными слёз глазами, бесконечно жалко.

— Госпожа... умоляю... помогите мне...

Бо Цинъянь на мгновение замолчала.

Затем протянула руку и сжала его подбородок.

— Бесстыдник.

Всего два слова — холодных и равнодушных.

Лицо Бай Мяня вспыхнуло еще сильнее, а из глаз скатились крупные капли слёз.

Он не понимал, почему она его бранит.

Он знал лишь одно: когда госпожа ругала его, его сердце начинало биться с невероятной частотой.

— Госпожа...

— Как ты меня назвал?

Бо Цинъянь разжала пальцы и посмотрела на него сверху вниз.

Юноша лежал на постели, взъерошенный, покрасневший, с заплаканным лицом, до того жалкий, что на него больно было смотреть. Но его глаза сияли — глядя на неё, он выражал жажду, зависимость и всё то, что она так легко читала.

— Так сильно хочешь принадлежать мне?

Бай Мянь закусил губу и слабо кивнул.

Увидев этот кивок, уголки губ Бо Цинъянь едва заметно приподнялись.

— Что ж... как пожелаешь.

Она склонилась над ним.

За окном серебрилась луна.

А в комнате царила страсть.

Бай Мянь не помнил, как пережил ту ночь.

В памяти остались лишь руки госпожи, её губы, её голос.

И те слова, что повторялись снова и снова:

— Бесстыдник.

— Кричишь так громко, не боишься, что кто-то услышит?

— Так сильно любишь мои прикосновения?

Он плакал, кричал, молил о пощаде.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Бай Мянь очнулся от тяжёлого сна.

Его тело ломило, словно его разобрали по косточкам, болело абсолютно всё.

Пошевелившись, он понял, что лежит в чьих-то тёплых объятиях.

Приподняв голову, он встретился взглядом с холодными глазами.

Она смотрела на него — неизвестно, сколько времени уже прошло с тех пор, как она бодрствовала.

Лицо Бай Мяня мгновенно залилось краской.

Вспомнив события прошлой ночи, свои крики и те бранные слова, что бросала ему госпожа...

Он тут же зарылся лицом ей в грудь, не смея поднять глаз.

— Проснулся?

Раздался над ухом спокойный голос.

Бай Мянь глухо угукнул в ответ.

— Болит?

Юноша замер, а затем медленно кивнул.

— Так тебе и надо.

Бай Мянью вздрогнул и снова поднял на неё взгляд.

В этих глазах по-прежнему плескался холод, но почему-то ему казалось, что теперь всё стало немного иначе.

— Госпожа...

— Мм?

— Вы... вы ведь не сердитесь?

Бо Циньянь посмотрела на него.

Её новоиспеченный супруг сжался в комок у неё на груди, на его лице ещё виднелись следы слёз, глаза покраснели и припухли, а сам он выглядел донельзя жалостливым. На его теле чётко отпечатались следы бурной ночи.

— На что мне сердиться?

Бай Мянью приоткрыл рот, не зная, что ответить.

Он боялся гнева госпожи из-за того, как вел себя прошлой ночью...

— Ты — человек этого престола, — негромко произнесла Бо Циньянь. — Моих людей смеет касаться только я. Если до них дотронется кто-то чужой — я убью. А если касаюсь я — на то есть высшее право.

Бай Мянью остолбенел.

Он смотрел в эти холодные глаза, на её слегка сжатые губы, на это вечно бесстрастное лицо.

А затем снова уткнулся лбом ей в грудь и пробормотал:

— Госпожа...

— Мм?

— Я... я принадлежу госпоже.

Бо Цинъянь ничего не ответила. Лишь крепче сжала руки, прижимая его к себе ещё сильнее.

Прильнув к ней, Бай Мянью ощущал исходящее от неё тепло, и уголки его губ сами собой изогнулись в счастливой улыбке.

<http://bllate.org/book/22395/2350073>